

Аб 8Р
Г-411

Аб 8Р
Г-411

А. И. ГЕРЦЕН В РУССКОЙ КРИТИКЕ

СБОРНИК СТАТЕЙ

Издание второе, дополненное

*Вступительная статья
и примечания*

В. ПУТИНЦЕВА

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1953

РЕЧЬ НА МОГИЛЕ А. И. ГЕРЦЕНА В НИЦЦЕ ²¹

7 апреля 1912 г.

Гг!

Гейне говорит, что история литературы есть обширная покойницкая, в которую каждый из нас идет отыскивать дорогих ему мертвецов. «И когда, — продолжает он, — между множеством незначительных трупов я вижу там Лессинга или Гердера с их благородными лицами, в моей груди начинает сильно колотиться сердце» ²².

Теперь, по случаю столетия со дня рождения А. И. Герцена, вся свободомыслящая и свободолобивая Россия, — да, как видите, и не одна Россия, — идет в ту покойницкую, на двери которой написано: «*История русской общественной мысли*»; и когда она видит там благородный образ нашего великого писателя, в ее груди, конечно, тоже сильно колотится сердце.

Свободолюбивая и свободомыслящая Россия чрезвычайно многим обязана А. И. Герцену. Достоевский когда-то назвал его *gentilhomme russe et citoyen du monde* * ²³. В это название Достоевский вложил не малую долю иронии. Но ирония эта совершенно не заслужена Герценом. Я готов, пожалуй, согласиться, что свободомыслящий человек может отчасти сознавать себя виноватым, принадлежа к российскому дворянству. Ведь это оно делало нашу петербургскую историю после Петра I, когда царей было не слишком много, а более цариц, ту историю, которая имела такое печальное сходство с кровавой трагикомедией в неприличном доме; ведь это оно, увидя себя вынужденным освободить своих крепостных крестьян, наградило их за долгую службу ничтожными наделами, на которых они могли только бедствовать, нищенствовать, голодать и вырождаться; наконец ведь это оно и до сих пор распоряжается в России, как в завоеванной стране. Повторяю: можно, пожалуй, чувствовать себя виноватым, принадлежа к этому доблестному сословию, но следует указать и обстоятельства, весьма значительно смягчающие подобную вину: человек не по собственному выбору родится дворянином, мещанином или крестьянином. Да и не в том дело, кем он родится; дело в том, что он де-

* Русский дворянин и гражданин мира (франц.).

лает, как он ведет себя в сознательную пору своей жизни. То правда, что человеку, принадлежащему к числу так или иначе привилегированных, несравненно труднее, чем непривилегированному, встать на правильную точку зрения; но тем больше чести для тех, которым это удается. А на вопрос, удалось ли это А. И. Герцену, отвечает вся его жизнь. Его роль в деле освобождения крестьян показывает, что он был на стороне эксплуатируемых, а не на стороне эксплуататоров. Достоевский думал, что Герцен сделался *citoyen du monde* вследствие разрыва своего с русским народом. Но Герцен никогда не разрывал ни с народом, ни с Россией. Тот, кто разорвал со своим народом, не дорожит его интересами. А Герцен горячо дорожил интересами русского народа. Он не лгал, когда писал о себе, что с детских лет бесконечно любил наши села и деревни. И он был русским до конца ногтей. Но любовь к родине не осталась у него на степени темного зоологического инстинкта, как известно, способного проявляться подчас зверским образом; она была возведена им на степень осмысленной человеческой привязанности. И в той самой мере, в какой она возвышалась у него на эту степень, он становился всемирным гражданином. Как он понимал осмысленную любовь к родине, видно из его отношения к польскому восстанию 1863 года. Вы все знаете: его называли изменником; его упрекали в том, что, оказывая нравственную поддержку польским повстанцам, он оскорбляет чувства своего собственного народа; от него отвернулось огромное большинство его недавних поклонников. Он тяжело страдал от этого, но продолжал твердо стоять на своем. Из-под его пера вышел ряд статей: «Vivat Polonia», «Mater Dolorosa», «Resurrexit» и др., полных глубочайшего негодования против жестоких усмирителей Польши²⁴. Он не верил «патриотическим» рассказам о том, что весь русский народ одобряет усмирителей. «Нет, нет и нет, — восклицал он в своем «Колоколе», — проклятое дело вытравливания целого народа из народных семей не есть наше общенародное русское дело!» Русский народ, по тогдашнему, собственно, крестьянин, — слишком занят был, по словам Герцена, вопросами своего освобождения и своего земельного устройства, чтобы заботиться о подавлении Польши. Но если бы он и в самом деле потре-

бовал ее подавления, если бы он тоже заразился полицейской чумой высших сословий, то и тогда Герцен не перестал бы сочувствовать польским повстанцам. «Мы не рабы нашей любви к родине, — писал он, — как не рабы ни в чем. Свободный человек не может признать такой зависимости от своего края, которая заставила бы его участвовать в деле, противном его совести»²⁵. Так говорил он.

Это поистине золотые слова. Каждый из нас должен как можно чаще вспоминать их теперь, зайдет ли речь о жестоких и постыдных еврейских погромах, или о нарушении финляндской конституции, или о запрещении украинским детям учиться по-малорусски, или вообще о каком бы то ни было угнетении какого бы то ни было племени, входящего в состав населения нашего государства!

О Герцене говорили: он готов отдать *Польшу* земли, издавна бывшие и признававшие себя *Русью*. Но, во-первых, неужели уместно было поднимать спор о границах будущей Речи Посполитой в то время, когда полицейско-бюрократическая Россия держала Польшу за горло и, поставив ей колено на грудь, готова была задушить ее? Во-вторых, точка зрения Герцена в этом вопросе была точкой зрения автономии национальностей, их свободного самоопределения. Он спрашивал: «Отчего бы нам с Польшей, с Украиной, с Финляндией не жить, как вольный с вольными, как равный с равными? Отчего же всех мы должны забирать себе в крепостное право? Чем мы лучше их?» Это теперь — точка зрения всего передового человечества, это — точка зрения Рабочего Интернационала.

Вот в каком смысле А. И. Герцен был гражданином мира. И за то, что он был *таким* гражданином мира, надо не смеяться над ним, а рукоплескать ему.

Когда славянофил И. С. Аксаков, повторив в своем органе распространенные против Герцена гнусные клеветы, посоветовал ему покаяться, тот отвечал:

«Нет, Иван Сергеевич, не блудными сынами, не посевшими Магдалинами с понурой головой воротимся мы, если воротимся, а свободными людьми, требующими не оправдания, а признания дела всей их жизни»²⁶.

Он имел полное нравственное право написать эти гордые слова. И все мы, вспоминая теперь Герцена по

случаю столетия со дня его рождения, чтим его память не словами оправдания, снисхождения или прощения, а словами, заключающими в себе полное, безусловное признание всей его жизни.

Гг! Герцену не суждено было вернуться на родину. И если бы он дожил даже до нынешнего дня, то, может быть, ему и теперь пришлось бы скитаться в изгнании. Дело веков поправлять нелегко. Но не будем унывать. «Живуча русская жизнь!» — говорил он в своем «Колоколе»²⁷. Он и тут был прав. Действительно, живуча! Не убьют ее Пуришкевичи и Крупенские, Гермогены и Распутины! Россия идет вперед, несмотря ни на что. Она еще не сбросила своего ярма. Это ярмо продолжает глубоко ранить ее плечи. Но теперь идея свободы глубоко проникла, наконец, в народ, чего еще не было в эпоху А. И. Герцена. Много ли людей сочувствовало ему в 1863 году, когда он встал на защиту Польши? Одна горсть. Народ в самом деле не думал о Польше. Это в лучшем случае. А в худшем — темные дети русского народа тоже готовы были кричать: «Распни ее! Бей поляков!» А теперь? Ноябрьская стачка 1905 года провозглашена была, между прочим, потому, что правительство ввело в Польше военное положение. Русский пролетариат доказал этим свое умение сознательно отнестись к судьбе польского народа. «Но контрреволюция победила пролетариат с его требованиями свободного самоопределения народностей», — скажут мне. Я отвечу вопросом: «Надолго ли?» Еще Гегель говорил, что бывают эпохи, когда дух всемирной истории, — когда историческое движение, скажем мы нынешним языком, — скрывается под землю и роет там, подобно кроту, подрывая основу существующего порядка. Настает благоприятная минута — и отживший порядок рушится, и тогда все мы видим, как хорошо работал крот, и тогда все мы кричим ему, как Гамлет тени своего отца: «Крот, ты хорошо роешь!» Поверьте, что русский крот очень недурно роет. Наконец, мы теперь не одни. В начале 60-х годов западноевропейские народы только еще начинали стряхивать с себя маразм, овладевший ими после бурных событий 1848 — 1849 гг. А теперь даже персы требуют свободы, теперь даже долго неподвижный Китай пришел в движение и провозгласил республику. О Западе же нечего и распро-

страняться. Рабочий Интернационал вырос здесь в могучую армию. Польшу подавила военная сила. Рабочий Интернационал — непримиримый враг милитаризма. В 1848 году немецкие реакционеры распевали:

Gegen Demokraten
Helfen nur Soldaten! *

К сожалению, это было так: против демократов помогли солдаты. Но теперь мы можем пропеть:

Gegen Soldaten
Helfen Sozialdemokraten! **

Рабочее движение передовых стран служит теперь самым надежным обеспечением международного мира.

Вообще наше время очень благоприятно для дела свободы в том смысле, что оно с каждым днем значительно увеличивает шансы ее окончательной победы. Если бы Герцен жил теперь, он, конечно, не разочаровался бы в Западной Европе.

Он много страдал от своего разочарования в ней. Но после этого разочарования он не утратил веры в Россию. Нынешний день оживит и нашу веру в лучшее будущее нашей многострадальной страны. Каждый из нас уйдет с его могилы, бодро повторяя его бодрые слова: «Живуча русская жизнь!» и сознавая себя нравственно обязанным быть таким *гражданином мира*, каким был в свое время наш незабвенный А. И. Герцен.

* Против демократов помогают только солдаты! (нем.)

** Против солдат помогают социал-демократы! (нем.)

20. См. «Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену», стр. 169.

21. Речь на могиле А. И. Герцена в Ницце (7 апреля 1912 г., по случаю 100-летия со дня рождения Герцена) приводится по названному изданию «Сочинений», т. XXIII, стр. 453—457.

22. Цитата из «Романтической школы» Гейне (книга первая, 1832—1833).

23. Плеханов имеет в виду главу «Старые люди» из «Дневника писателя» за 1873 г. («Гражданин», 1873, № 1).

24. Статья «Vivat Polonia!» («Да здравствует Польша!») была опубликована в «Колоколе», л. 94, от 15 марта 1861 г., «Mater dolorosa» («Матерь скорбящая») — в «Колоколе», л. 97, от 1 мая 1861 г., «Resurrexit!» («Она воскресла!») — в «Колоколе», л. 155, от 1 февраля 1863 г.

25. Неточная цитата из «Писем к противнику» (письмо третье, 1864).

26. Письмо к И. С. Аксакову от 6 апреля 1867 г. У Герцена — «не блудными детьми России» и далее: «требующими не оправдания, не прощенья...» («Колокол», л. 240, от 1 мая 1867 г.).

27. Из статьи «1831—1863» («Колокол», л. 163, от 15 мая 1863 г.).

М. ГОРЬКИЙ

1. «История русской литературы» М. Горького дошла до нас в виде черновых конспектов лекций на о. Капри в 1908—1909 гг. Текст отрывков приведен по изданию: М. Горький. «История русской литературы», Гослитиздат, М. 1939 (стр. 165—170, 182—183, 200, 205—210, 253—254).

2. Далее, после слов: «Но — вот какая картина развернулась пред ним, когда он явился в свой город, чтобы баллотироваться», — следует большая цитата из главы I части II «Кто виноват?», опускаемая в настоящем издании.

3. Запись в дневнике Герцена от 26 июня 1843 г.

4. Горький неточно датирует «Доктора Крупова»: повесть была закончена Герценом в феврале того же 1846 г.

5. Далее следуют две цитаты из повести Герцена.

6. Горький, очевидно, имеет в виду статью Н. С. Русанова «Западный социализм и «русский социализм» Герцена» в «Русском богатстве», 1909 г., кн. VII—VIII.

7. Строки из поэмы Н. А. Некрасова «Саша».

8. Из письма К. Маркса к Л. Кугельману от 12 октября 1868 г. (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXV, стр. 534).

СОДЕРЖАНИЕ

В. Путинцев. «Наследие Герцена и русская критика» 3

В. И. ЛЕНИН О ГЕРЦЕНЕ

«Памяти Герцена»	49
«Роль сословий и классов в освободительном движении»	56
«Из прошлого рабочей печати в России»	58

ГЕРЦЕН В РУССКОЙ КРИТИКЕ

В. Г. Белинский

«Русская литература в 1845 году»	63
«Взгляд на русскую литературу 1847 года»	64
Из писем В. Г. Белинского	77

Н. Г. Чернышевский

«Очерки гоголевского периода русской литературы»	85
«Стихотворения Н. Огарева»	99

Н. А. Добролюбов

«Что такое обломовщина?»	105
«Литературные мелочи прошлого года»	120
Из дневника и писем Н. А. Добролюбова	123

<i>«Русский человек»</i>	
«Письмо из провинции»	125
Д. И. Писарев	
«Схоластика XIX века»	131
«Базаров»	132
[«Глупая книжонка Шедо-Ферроти...»]	138
«Пушкин и Белинский»	146
Н. И. Сазонов	
«Литература и писатели в России. Александр Герцен»	148
А. К. Шеллер	
«Кто виноват? (По поводу романа того же названия)»	159
Н. И. Огарев	
«Памяти Герцена»	176
«К читателям»	178
В. А. Зайцев (?)	
«А. И. Герцен. Несколько слов от русского к русским»	179
Н. В. Шелгунов	
«По поводу одной книги»	198
Г. В. Плеханов	
«Герцен-эмигрант»	222
«Речь на могиле А. И. Герцена в Ницце 7 апреля 1912 г.»	243
М. Горький	
«История русской литературы»	248
А. В. Луначарский	
«Александр Иванович Герцен»	258
«А. И. Герцен и люди сороковых годов»	270

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ О ГЕРЦЕНЕ

Н. В. Гоголь	291
И. А. Гончаров	291
И. С. Тургенев	292

Т. Н. Грановский	295
А. Б. Толстой	296
Н. А. Некрасов	297
Л. Н. Толстой	297
ПРИМЕЧАНИЯ	299
Приложение	330

17974

П. 1958 г.
ФРТ № М-3858

57

/20

67.

№. 99

2004

2015

2024